

А.В. Ерохина
(Казанский юридический институт МВД России)

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОИЗВОДСТВА И ОБОРОТА ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

На основании статистических данных ГИАЦ МВД России автор приходит к выводу, что преступление, связанное с производством и оборотом фальсифицированных лекарственных средств, посягает на два объекта - отношения в сфере обеспечения здоровья населения и отношения в сфере экономике. Однако анализ признаков общественной опасности производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств, опрос сотрудников правоохранительных органов доказывают, что основным объектом преступных посягательств в сфере производства и оборота фармподделок является здоровье населения.

Ключевые слова: фальсифицированное лекарственное средство, производство и оборот фальсифицированных лекарственных средств, объект преступления, источник повышенной опасности, здоровье населения.

On the basis of statistical data The main information-analytical center the Ministry of Internal Affairs of Russia the author comes to a conclusion that the crime connected with manufacture and a turn of forged medical products, encroaches on two objects - relations in sphere of maintenance of health of the population and the relation in sphere to economy. However, the analysis of signs of public danger of manufacture and a turn of the forged medical products, poll of law enforcement officers proves that the basic object of criminal encroachments in manufacture and turn sphere фармподделок is population health.

Keywords: the forged medicine, production and a turn of the forged medicines, object of a crime, a source of the increased danger, population health.

Определение объекта преступного посягательства является исходным для криминализации деяний, дифференциации ответственности и наказания, поэтому объект посягательства, прежде всего, отражает общественную опасность деяния, вследствие которой оно признается преступлением. Проблема правильного определения объекта преступления имеет важное теоретическое и практическое значение для установления других элементов состава преступления, правильной квалификации преступления, ограничения его от других смежных составов преступлений, а также в конечном итоге для выработки научно

обоснованных рекомендаций по совершенствованию уголовно-правовых норм.

Большинство ученых понимают под объектом преступления общественные отношения [1], так как наиболее важные общественные отношения не могут оставаться вне правового регулирования. Уголовный закон охраняет права субъектов правоотношений путем конкретизации юридической обязанности и установления репрессивного стимулирования к ее выполнению. В связи с этим неверно представлять объект преступления только как общественный или индивидуальный интерес, поскольку только взгляд на претерпеваю-

щие ущерб общественные отношения в целом дает представление о всеобщности разрушительного воздействия каждого конкретного преступления. Поэтому мы будем придерживаться мнения Ю.С. Варанкиной, А.Я. Казакова, В.Д. Ларичева, которые под объектом преступления понимают «охраняемые уголовным законом социально значимые блага, интересы, которым в результате совершения преступления причиняется вред либо создается реальная угроза причинения такого вреда» [2].

В уголовном законодательстве не выделено самостоятельных составов преступлений в сфере производства и оборота лекарственных средств, что, на первый взгляд, создает определенные трудности в характеристике их объекта, так как в настоящее время Уголовный кодекс 1996г. предусматривает около 30 уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за фальсификацию лекарственных препаратов, среди которых одни правоведы выделяют ст.159 «Мошенничество», ст.171 УК РФ «Незаконное предпринимательство», ст.180 УК РФ «Незаконное использование товарного знака», ст.238 «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности» [3].

Широкий диапазон квалификации деяний в сфере производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств наглядно демонстрирует широту защищаемых нормами социальных ценностей, что, в свою очередь, свидетельствует как о емкости понятия «преступность в сфере производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств», так и об исключительном разнообразии самих отношений, которые могут быть дифференцированы по содержанию, характеру и сферам. Однако необходимо отметить, что внимание законодателя в рамках квалификации преступных действий в большей степени ориентировано на применение норм, охраняющих экономические интересы общества. Например, всего за 2009-2011гг. по России по ст. 159 УК РФ возбуждено 74 уголовных дела, где предметом

преступлений являются фальсифицированные лекарственные средства, по экономическим статьям всего возбуждено 91 уголовное дело (по ст. 171 УК РФ - 46, по ст. 180 УК РФ – 26, по ст. 171.1 УК РФ - 19), тогда как по ст. 238 УК РФ – 83.

Можно сделать вывод о том, что одной из главных особенностей преступного деяния в сфере производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств является его многообъектность. В частности, при его совершении преступник посягает на общественные отношения, связанные:

1) с законной экономической деятельностью в сфере производства и оборота лекарственных средств; 2) со здоровьем населения.

Однако, по нашему мнению, производство и оборот фальсифицированных лекарственных средств, в первую очередь, посягает на жизнь и здоровье людей, так как употребление лекарств зависит от состояния здоровья населения, которое выступает главным условием социально-экономического развития общества и доминирующим фактором национальной безопасности.

Поскольку в настоящее время очевидной становится зависимость здоровья не только от самого человека, от его осознанного отношения к формированию, укреплению и сохранению своего здоровья, здоровья членов своей семьи и особенно детей, но и от проводимых лечебно-профилактических мероприятий и, прежде всего, от качественного и своевременного лекарственного обеспечения, раскроем пагубные последствия производства и оборота фальсифицированных лекарств для здоровья человека.

Эффективность лекарств дифференцируется в зависимости от особенностей человеческого организма. Так, к девяностым годам XX в. были найдены наследственные различия активности практически всех ферментов, опосредующих как первую, так и вторую фазы биотрансформации лекарств в организме. В специально проведенных исследованиях за рубежом было показано, что тяжелые осложнения лекарственной терапии развиваются у миллио-

нов людей, побочные реакции отмечаются в 5-10% клинических наблюдений [4]. Осложнения лекарственной терапии вышли на 4-6-е места среди причин смертности после сердечно-сосудистых, онкологических, бронхолегочных заболеваний и травм (для сравнения: смертность от осложнений лекарственной терапии в 10 раз выше, чем от хирургических вмешательств) [5]. Например, всем известен препарат анальгин, но практически никто не знает, что потребление данного лекарства приводит к агранулоцитозу - подавлению функций костного мозга, что влечет за собой снижение выработки кровяных телец, в частности, лейкоцитов.

А.В. Тихомиров пишет: «медицинская продукция являет собой источник повышенной опасности, поскольку связана с возможностью причинения вреда здоровью» [6]. М.Н. Малеина в число источников повышенной опасности в сфере врачебной деятельности предлагает включить рентгеновские установки, лазерные аппараты и лекарственные средства [7]. Если допустить, что средствами осуществления повышенной опасной деятельности являются источники повышенной опасности, т.е. объекты, обладающие вредоносными свойствами, а лекарственные средства как раз обладают и вредоносностью, и невозможностью полного контроля со стороны человека, то, следовательно, лекарственные средства отнесем к источникам повышенной опасности, поэтому и деятельность по использованию медпрепаратов, в силу особенностей связей «медицинский работник - лекарственное средство - пациент», можно считать представляющей повышенную опасность.

Заставляет задуматься следующий факт: коэффициент смертности в России за 2007-2011 гг. увеличился в показателях с 15 до 45. За этот же период объем продаж лекарственных препаратов примерно составил от 3 до 5 млрд долларов США. Данные цифры позволяют экспертам условно провести параллельные линии между коэффициентом смертности населения и объемом продаж лекарственных препаратов [8]. Конечно, официальной статистики смертно-

сти от употребления фальсифицированных лекарственных препаратов у нас нет, так как сложно доказать причинно-следственную связь. Однако неслучайно в Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года подчеркивается, что «уровень смертности населения обусловлен, в том числе, высоким уровнем заболеваемости населения» [9]. Соответственно, можно сделать вывод о неэффективности проводимых методов лечения, которые в большей части носят медикаментозный характер.

Если определенная часть зарегистрированных лекарственных средств, прошедших клинические исследования и зарегистрированных в установленном порядке, являются источником повышенной опасности, то получается, что лекарственные препараты, содержание которых не соответствует тому, которое указано на этикетке, то есть являющиеся фальсифицированными, а одним из результатов клинического исследования такого препарата может стать выявление побочных эффектов, несомненно, относятся к категории источников повышенной опасности для организма человека. Данный вывод подтверждается следующими примерами.

В Волгограде в 2009г. более тысячи пациентов были госпитализированы с серьезными осложнениями, связанными с применением фальшивого инсулина. В Смоленске в 2010г. был обнаружен неизвестный препарат для диабетиков, который при проверке оказался обычным раствором глюкозы. Небольшая доза такого препарата могла убить больного диабетом.

Если перейти к вопросу о дисфункциональном воздействии производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств на национальное хозяйство и систему экономического управления, отметим, что с позиции институциональной теории характер и последствия дисфункционального, деструктивного воздействия изучаемого явления проявляется преимущественно в форме отрицательных экстерналий - внешних эффектов, которые при достижении массового, масштабного характера неизбежно приводят к усилению

макроэкономического неравновесия и энтропии, проявлению дисфункций в системе управления национальным хозяйством, вытеснению государства (как монополиста-производителя) с рынка чистых общественных благ и секвестированию его аллокационной функции, распространению внеэкономических форм конкурентной борьбы. Опасность производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств состоит в том, что она представляет угрозу существованию основаниям цивилизованных рыночных отношений как таковым, построенным на принципах свободы конкуренции и эквивалентного обмена. Крайне важно подчеркнуть, что, достигая тотальных размеров, эта преступность в конечном итоге препятствует социальному и научно-техническому прогрессу в обществе, сдерживая экономическое развитие и уводя ресурсы и капиталы от вложения в социально значимые сферы национального хозяйства.

Производство и оборот фальсифицированных лекарственных средств при институциональном перерастании в криминальную экономику приводит к подрыву конструктивных оснований легальных рыночных отношений, к изменению направленности вектора их воспроизводства в сторону усиления социальной несправедливости и имущественного расслоения граждан, а также нейтрализует действие ключевых рыночных императивов-принципов эквивалентности обмана, законов стоимости, равновесия спроса и предложения. В итоге множится спектр отрицательных последствий изучаемого явления.

Однако мнение о том, что основным объектом преступного посягательства в сфере производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств является здоровье человека, прослеживается и у представителей общественности. Председатель комитета Государственной Думы по охране здоровья Т. Яковлева отмечает, что фальсификация лекарственных средств является преступлением против безопасности человечества, сравнимым с применением оружия массового уничтожения и терроризмом: даже относительно неболь-

шой объем фальсифицированных лекарственных средств, находящихся в обращении, может привести к катастрофическим последствиям [10]. Заместитель председателя Комитета Государственной Думы по охране здоровья А.М.Чухраев подчеркнул, что проблему фальсификации лекарственных средств в первую очередь необходимо рассматривать как угрозу здоровью граждан и только потом с точки зрения экономического ущерба [11]. Экс-министр здравоохранения Т.Голикова заявляла, что «фальсифицированные лекарства вредны и опасны для здоровья, в лучшем случае потребитель отделается легким испугом, в худшем - летальный исход. Кроме того, подделки разрушают доверие общественности к системе здравоохранения, к фармацевтической промышленности и уполномоченным органам» [12]. «Фальсификация фармпрепаратов считается четвертым злом здравоохранения после малярии, СПИДА, курения, а смертность от побочных реакций лекарств входит в первую пятерку причин наравне с сердечно-сосудистыми, онкологическими, бронхолегочными заболеваниями и травматизмом. Фальсификация лекарств - это реальная угроза здоровью населения и значительный ущерб государству», - констатировал в интервью депутат Государственной Думы А.Беляков [13].

А.П.Горелик указывает, что «фальсифицированное лекарственное средство всегда представляет собой опасность для жизни и здоровья человека не только потому, что истек срок годности или что в нем содержатся опасные вещества, но и потому, что оно либо не оказывает помощи больному, либо приводит к обострению заболевания в связи с отсутствием в нем фармакологически активных веществ. Особую опасность фальсифицированные лекарства представляют для людей, страдающих хроническими заболеваниями и всегда имеющих при себе лекарства, способные снять приступ до прибытия квалифицированной медицинской помощи, принятие подобных лекарств представляет реальную угрозу их жизни» [14]. Б.Д.Завидов подчеркивает, что «фальсификация нано-

сит ущерб авторитету производителя, здоровью граждан, а также финансовый ущерб государству» [15].

Определение состояния здоровья является своеобразным фокусом, в котором преломляется действие социальной жизни общества, одного из важнейших свидетельств прогрессивности и достоинств государственного строя, политики государства [16]. Состояние здоровья сказывается на всех сферах жизнедеятельности общества, поскольку качественные характеристики здоровья определяют уровень социальной и экономической развитости общества. Так как здоровье населения – важнейшая ценность, являющаяся одним из необходимых оснований эффективного действия государственных, экономических и общественных структур, влияя на все стороны жизни общества, здесь наиболее отчетливо проявляется взаимодействие таких систем, как человек – общество – го-

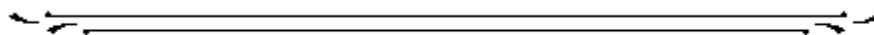
сударство [17]. Чем в обществе больше людей, тем сильнее государство. В целом, состояние здоровья населения достаточно точно отражает тенденции экономического развития и благосостояния страны [18]. Совершение преступлений, посягающих на здоровье, создает угрозу продолжительности активной жизни, ее воспроизводству в обществе, нарушает оптимальные условия труда и отдыха, препятствует формированию и развитию личности.

На основании вышеизложенного сделаем вывод о том, что основным объектом производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств в первую очередь является здоровье человека, поэтому целесообразно статью, регламентирующую ответственность за производство и оборот лекарственных фальсификатов, разместить в главе 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 34; Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980; Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. М.: Юрист, 2004; Семенцова И.А. Уголовное право: Общая часть. Сер. «Сдаем экзамен». Ростов-на-Дону: «Феникс», 2003; и др.
2. См.: Ю.С. Варанкина, А.Я.Казаков, В.Д. Ларичев. Уголовно-правовая характеристика нецелевого расходования бюджетных средств. М.: Дело и сервис, 2011. С. 13.
3. См., например: Цапкевич Л.Е. Контрафактная и фальсифицированная продукция: проблемы и пути их решения // Право и экономика. 2009. № 6. С. 18; Ларичев В.Д. Преступность в сфере экономики (теоретические вопросы экономической преступности): монография. М.: ВНИИ МВД России, 2003. С. 35; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В.И. Радченко. М.: Проспект, 2009. С. 281.
4. См., напр.: Johnson J.A., Boatman J.L. Drag-related morbidity. A cost-of-illness model // J. Arch. Intern. Med., 1995, Oct. 9; Imbs J.L., Pouyanne P., Haramburu F. et al. Jatrogenic medication: estimation of its prevalence in French public hospitals. Regional Centers of Pharmacovigilance// Therapie. 1999. 54 (1).
5. См.: Лепахин В.К., Астахова А.В., Овчинникова Е.А., Овчинникова Л.К. Врачебные ошибки как причина осложнений лекарственной терапии // Качественная клиническая практика. 2002. N 1. С. 4.
6. См.: Тихомиров В.А. Медицинское право. Практическое пособие. М., 2008. С. 126.
7. См.: Малеина М.Н. Человек и медицина в современном праве. М., 2005. С. 146.
8. См.: Оборот фальсификата на рынке лекарств достигает 12% [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://www.yandex.ru>.
9. См.: Об утверждении концепции демографической политики РФ на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 09 октября 2007 г. № 1351 // Собрание законодательства РФ. 2007. №42. Ст. 5009.

10. См.: Лекарственные средства и потенциальная опасность. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: hotline.pharmcontrol.ru/hotline/201
11. Там же.
12. См.: Пичугина Е. Борьбы с фальсификатом на фармацевтическом рынке [Электронный ресурс] Режим доступа WebMedInfo.ru – Медицинский информационно-образовательный портал.
13. См.: Драгунов П. И. Нет фальсификату на российском фармацевтическом рынке // Российская газета. 2010. № 4. С. 3.
14. См.: Лекарственные средства и потенциальная опасность. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: hotline.pharmcontrol.ru/hotline/201
15. См.: Завидов Б.Д. Ущерб от производства и оборота фальсифицированной лекарственной продукции [Электронный ресурс]. База данных СПС «Гарант»
16. См.: Мирошниченко Н.А. Квалификация преступлений против здоровья населения: текст лекций. Одесса: Изд. ОГУ. 1984. С. 8.
17. См.: Шалагин А.Е. Преступления против здоровья населения: дис... канд. юрид... наук. Казань. 2004. С. 19.
18. См.: Добчинов С.Б. Здоровье населения как фактор и следствие качества жизни: региональный аспект: на материалах Республики Бурятия: дис.... канд. соц. наук. М. 2000. С. 44.

Ф.Ф. Исмаилов,
слушатель 5 курса
(Казанский юридический институт
МВД России)

А.А. Хайдаров,
кандидат юридических наук
(Казанский юридический институт
МВД России)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В статье исследуются современное состояние и значение института досудебного соглашения о сотрудничестве. Кроме того, авторами анализируются процессуальные проблемы механизма реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве, а также предлагаются конкретные пути решения выявленных проблем.

The article examines the current status and importance of the institution of pre-trial agreement on cooperation. In addition, the author examines the procedural problems of the mechanism of realization of the institution of pre-trial agreement about cooperation, and also proposes concrete ways of solution of the revealed problems.

Одной из наиболее важных тенденций современной уголовно-процессуальной политики выступает оптимизация уголовного судопроизводства посредством введения особых процедур, основанных на компромиссном разрешении уголовно-правовых споров. Как показывает современная зарубежная судебная практика, так называемые «сделки с правосудием», стимулируя положительное посткриминальное поведение индивида, вполне оправдывают себя, способствуя качеству и скорости расследования уголовных дел.

Ликвидация старых институтов российского уголовно-процессуального права и создание новых было обусловлено возникновением спроса на новые, отвечающие современным реалиям, институциональные формы. Важным является тот факт,

что в качестве новелл в уголовно-процессуальное право все больше вводятся не отдельные правовые нормы, а правовые институты, представляющие собой группу норм, регулирующих комплекс однородных общественных отношений [1].

Одним из наиболее резонансных и широко обсуждаемых феноменов российской уголовно-процессуальной материи следует признать институт досудебного соглашения о сотрудничестве.

Значение данного института не столько в упрощении разбирательства по делу, сколько в переходе к новому, основанному на компромиссе способу противодействия организованным формам преступной деятельности, к избирательности уголовной репрессии, расширению правовой базы для сотрудничества обвинительной стороны с обвиняемыми.

Значимым в созданной правовой процедуре представляется также то, что она призвана быть правовым инструментом раскрытия преступлений, изобличения преступников, ликвидации последствий преступной деятельности, предотвращения новых преступлений в обмен на смягчение уголовной ответственности тем обвиняемым, которые помогают государству в этом. Принципиально важно, что государство вступает в соглашение с обвиняемым, т.е. берет на себя обязательства, а не в императивном публично-правовом режиме проводит в жизнь принцип неотвратимости уголовной ответственности.

Отечественный институт «сделки с правосудием» вызвал неподдельный научный интерес и инициировал активный научный поиск, направленный на изучение и всесторонний анализ данного беспрецедентного феномена российской уголовно-правовой материи. Введенный федеральным законом №141-ФЗ от 29 июня 2009 года институт досудебного соглашения о сотрудничестве получил неоднозначные правовые оценки ученых и правоприменителей.

Анализируемому институту в действующем УПК РФ посвящена отдельная глава - 40.1, а также ряд норм, содержащихся в уголовном законодательстве, что наглядно свидетельствует о его комплексном характере. Согласно п. 61 ст. 5 УПК РФ, «досудебное соглашение о сотрудничестве - соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения».

По мнению большинства авторов, сама идея о сотрудничестве между обвинением и защитой есть реализация принципа целесообразности, здравый и адекватный подход к социально-экономическим реалиям, отразившийся, наконец, и в уголовно-процессуальных институтах [2].

В целом наметившуюся тенденцию к оптимизации и некоторому упрощению судопроизводства следует признать положительной, органически дополняющей

диспозитивные начала в российском уголовном процессе. Активное содействие обвиняемого (подозреваемого) расследованию, которое может выражаться не только в признании собственной вины, но и в изобличении других лиц, дает расследованию мощный «импульс», формирует необходимую доказательственную базу, т.к. позволяет обнаружить новые источники доказательственной информации, проверить ранее полученные сведения. Такой порядок уголовного судопроизводства выгодно отличается от предусмотренного главой 40 УПК, где обвиняемый лишь соглашается с обвинением, уже подкрепленным доказательствами, полученными следствием, причем делает это на этапе окончания расследования, при ознакомлении с материалами уголовного дела (ч. 5 ст. 217 УПК РФ). Влияя на ход судебного разбирательства, согласие с обвинением никак не сказывается на расследовании преступления. С учетом сказанного, не только обвиняемый (подозреваемый), но и следователь становится заинтересованным в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Вместе с тем реализация этой экономически выгодной и практически целесообразной идеи не может не вызывать определенных нареканий как с точки зрения законодательной техники и сбалансированности норм рассматриваемого института, так и практической целесообразности правовой регламентации тех или иных правоотношений. Относительная новизна, малоизученность и беспрецедентный характер досудебного соглашения о сотрудничестве не могли не отразиться на качестве и эффективности процессуально-правового регулирования данного института. В настоящее время пока существует немало проблем в правовом регулировании данного института и трудностей практического характера. Это позволяет сделать вывод о том, что институт соглашения о сотрудничестве в том виде, в котором он закреплен в УПК РФ, ни по форме, ни по содержанию не способен достичь тех целей, которые закладывал законодатель.

По нашему мнению, из всего многообразия пробелов и коллизий анализируемой законодательной новеллы целесообразней выделить наиболее существенные недостатки, которые сводятся к следующему.

В первую очередь отметим, что, согласно ст. 317.1 и 317.2 УПК РФ, обжаловать процессуальное решение следователя и прокурора об отказе в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве возможно *только в ведомственном порядке*. Так, процессуальное решение следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве возможно обжаловать руководителю следственного органа, а процессуальное решение прокурора - вышестоящему прокурору. На наш взгляд, необходимо предоставить возможность обжаловать указанные процессуальные действия следователя и прокурора также в судебном порядке. В ст. 19 УПК РФ провозглашен принцип права на обжалование процессуальных действий и решений суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя.

Считаем, что в главе 40.1 УПК, предусматривающей особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, существует пробел в части, касающейся возможности либо невозможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетними.

В случае если заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетними допустимо, то ст. 317.1 - 317.3 УПК РФ следует дополнить нормами, регламентирующими права и обязанности законного представителя несовершеннолетнего. Согласно разъяснениям Пленума Верховного суда от 29 июля 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [3], положения главы 40.1 УПК РФ не применяются в отношении подозреваемых или обвиняемых, не достигших к моменту со-

вершения преступления возраста восемнадцати лет.

По нашему мнению, подобная формулировка не отражает сущности и назначения анализируемого института, всецело направленного на противодействие организованным формам преступной деятельности и проявлениям коррупции в российском обществе.

Кроме того, по нашему мнению, в данном вопросе необходимо руководствоваться также статистическими данными и положениями криминологической доктрины. Среди прочих криминологических характеристик иногда выделяется групповой характер преступной деятельности несовершеннолетних. Доля групповых преступлений в преступности несовершеннолетних (в зависимости от вида преступлений, возрастных категорий, территориального распределения) в 2-5 раз выше, чем аналогичный показатель преступности взрослых, и составляет примерно 55 %. Ежегодно более половины всех несовершеннолетних совершают преступления в составе групп. Доля преступлений, совершаемых несовершеннолетними в группах, неодинакова для различных видов преступлений. Наиболее часто в группах совершаются такие преступления, как разбойные нападения, грабежи и кражи [4].

Таким образом, учитывая во многом групповой характер преступной деятельности несовершеннолетних, целесообразней распространить положения института досудебного соглашения о сотрудничестве на несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых, обозначив соответствующие процессуальные особенности, связанные с участием законных представителей и педагога и определением процессуального статуса последних.

Существенным недостатком рассматриваемого института, по нашему мнению, является отсутствие законодательного предписания о процессуальных сроках, в течение которых прокурор обязан составить досудебное соглашение о сотрудничестве и подписать его с подозреваемым (обвиняемым) защитником после удовлетворения соответствующего ходатайства.

Отсутствие указанных процессуальных сроков не позволит следователю выбрать и выработать тактику расследования по делу в течение неопределенного периода времени. Более того, следователь, являясь участником подписания соглашения о досудебном сотрудничестве, сам его по какой-то причине не визирует.

Важно отметить и тот факт, что, согласно ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ, предварительное расследование преступления, инкриминируемого лицу, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве, осуществляется только в форме предварительного следствия. Не ясно, может ли проводиться предварительное расследование в форме дознания с лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве?

Не совсем ясна цель, преследуемая законодателем при возложении на прокурора обязанности при утверждении обвинительного заключения и, соответственно, на суд (судью) - в ходе судебного разбирательства исследовать исполнение обвиняемым взятых на себя обязательств (ч.1 ст. 317.5 и ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ). Означает ли это, что прокурор или суд, придя к выводу, что качество и количество представленных обвиняемым сведений, не достаточно для смягчения ответственности и наказания, соответствующее соглашение «аннулируют», а дело будет рассмотрено в общем порядке? В принципе прокурор в своем представлении уже указывает на соблюдение обвиняемым всех возложенных на него обязательств.

Пожалуй, одним из наиболее серьезных вопросов анализируемого института выступают права и законные интересы потерпевшего. В литературе обращается внимание на проблемный характер статуса потерпевшего при заключении с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве. Ряд авторов выступает за обязательное получение согласия потерпевшего при заключении подобного соглашения. Такая позиция не лишена оснований, поскольку потерпевший имеет законный интерес при восстановлении причиненного ему преступлением

вреда и восстановлении социальной справедливости.

Однако, по нашему мнению, законодательное закрепление необходимости получения согласия потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве не целесообразно. Кроме того, никаких нарушений прав и интересов потерпевшего не происходит. Высказываемое некоторыми юристами мнение о том, что уголовно-процессуальным законом должно быть обеспечено право потерпевшего на участие в заключении досудебного соглашения, представляется необоснованным, поскольку последствия заключения такого соглашения не влияют на возможность реализации прав потерпевших на любых этапах уголовного судопроизводства.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, целесообразность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве обусловливается острой необходимостью эффективного противодействия организованным формам совершения преступлений[6]. Необходимо отметить, что интересы потерпевшего не связаны с потребностью противодействия организованной преступности, не предусматривают установление всех эпизодов преступления, изобличения соучастников. Для достижения вышеназванных целей законодатель идет на такой шаг путем введения в отечественное уголовное судопроизводство института досудебного соглашения о сотрудничестве. Окончательное (но, к сожалению, не законодательное) разрешение подобной ситуации нашло отражение в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ от 29 июля 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Пленум разъяснил, что возражения потерпевшего сами по себе не выступают основанием для отказа в заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве.

Серьезным пробелом действующего уголовно-процессуального закона является

отсутствие в статьях 46 и 47 УПК соответствующего пункта, предусматривающего возможность заключения со стороной обвинения досудебного соглашения о сотрудничестве. В связи с этим возникает вопрос: когда и каким образом подозреваемый (обвиняемый) узнает о своем праве заключить соглашение о сотрудничестве со всеми вытекающими из него юридическими последствиями? На наш взгляд, следует внести соответствующие изменения в ст. 46 и 47 УПК, направленные на более качественное и эффективное применение рассматриваемого института.

Важно также отметить, что статья 37 УПК РФ, закрепляющая основные полномочия прокурора, не содержит указания на его возможность заключать досудебное соглашение о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым. Представляется необходимым дополнить соответствующим пунктом право прокурора заключать с подозреваемым или обвиняемым досудебное соглашение о сотрудничестве. Такое право прокурора на данный момент содержится в ч. 5 ст. 21 УПК, предусматривающей обязанность осуществления уголовного преследования.

На наш взгляд, закрепление подобного права в статье, регламентирующей обязанность уголовного преследования, при наличии специально посвященной полномочиям прокурора статье 37 УПК, является необоснованным, нарушающим целостность, логику и системный характер уголовно-процессуального законодательства. Что также требует соответствующих законодательных изменений.

Серьезным недостатком института досудебного соглашения о сотрудничестве считаем отсутствие в главе 40.1 УПК оснований для отказа в удовлетворении ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Подобный вывод непосредственно вытекает из содержания статей 317.1 и 317.2 УПК. В практической деятельности правоохранительных органов это создает условия для субъективизма следователя и прокурора относительно возможности заключения досудебного соглашения подозре-

ваемым или обвиняемым. А это означает, что установленное законом право подозреваемого или обвиняемого о рассмотрении их уголовного дела в особом порядке может быть нарушено.

Представляется, что законодатель не вполне корректно в ч. 2 ст. 317.3 УПК определил содержание самого досудебного соглашения о сотрудничестве. Так, согласно п. 4 ч. 2 ст. 317 УПК РФ, данное соглашение должно содержать: описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пунктами 1-4 части первой статьи 73 УПК РФ, что предполагает установление к моменту заключения соглашения не только события преступления (времени, места, способа и других обстоятельств совершения преступления), характера и размера вреда, причиненного преступлением, но и виновности лица в совершении преступления, формы его вины и мотивов, а также обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого.

Согласно ч. 2 ст. 317.1 УПК досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия. Таким образом, если в отношении обвиняемого данное требование можно признать обоснованным, то в отношении подозреваемого, с которым в силу положений ст. 317.1 УПК также может быть заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, такие требования ч. 2 ст. 317.3 УПК представляются излишними. К моменту формирования подозрения у следователя нет уверенности в виновности подозреваемого в совершении преступления и знаний о мотивах его совершения, т. к. в этом случае следователь, в силу указаний ч. 1 и 2 ст. 171 УПК РФ, должен немедленно формулировать обвинение. Подозрение же традиционно понимается как вывод органов предварительного расследования о причастности лица к совершению преступления, основанный на неполных знаниях о расследуемом преступлении и лице, его совершившем. Поэтому при заключении досудебного соглашения о

сотрудничестве с подозреваемым требования п. 4 ч. 2 ст. 317.3 УПК просто неисполнимы, что неизбежно повлечет трудности в правоприменительной практике [7].

При решении вопроса о содержании досудебного соглашения, заключаемого с подозреваемым, думается, необходимо руководствоваться положениями ч. 2 ст. 223.1 УПК РФ, которая впервые в отечественном уголовно-процессуальном праве определила объем знаний следственных органов, необходимый и достаточный для формирования подозрения. Пункт 4 ч. 2 ст. 223.1 УПК РФ разъясняет, что в уведомлении о подозрении должны быть отражены описание преступления с указанием места, времени его совершения, а также обстоятельств, подтверждающих характер и размер вреда, причиненного преступлением. Представляется, что в досудебном соглашении, заключаемом с подозреваемым, должны быть отражены обстоятельства, определившие формирование подозрения, обозначенные в п. 4 ч. 3 ст. 223.1 УПК РФ.

Очередным недостатком главы 40.1 УПК выступает необоснованно расширительное обозначение пределов обжалования обвинительного приговора, вынесенного в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Так, ч. 7 ст. 317.7 УПК не устанавливает каких-либо ограничений для обжалования обвинительного приговора суда, постановленного в рамках особого порядка судебного разбирательства. Представляется, что подобное широкое обозначение пределов обжалования не со-

ответствует сущности и специфике особого порядка судебного разбирательства, в котором отсутствует исследование фактических обстоятельств уголовного дела. В разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ от 29 июля 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» указывается, что качественное регулирование института досудебного соглашения о сотрудничестве должно находить отражение в законодательных актах, а не в материалах судебной практики.

Таким образом, кратко рассмотрев основные процессуальные проблемы, препятствующие реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве, отметим, что правовая регламентация данного института требует срочной корректировки, в противном случае ему не суждено заработать надлежащим образом и реализовать свое назначение. Несомненно, возможны и другие недоработки законодателя в области рассматриваемого института, однако именно вышеперечисленные являются наиболее значимыми и существенно влияющими на его «жизнеспособность».

Введение в действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство института досудебного соглашения о сотрудничестве является несомненным шагом вперед, но необходимо надлежаще урегулировать данное положение в законодательстве, устранить ряд пробелов и коллизий при его применении и реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов А.С., Лантух Н.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве России: пособие. СПб., 2011. С. 3.
2. Александров А.А., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 3.
3. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. №9. С.2-4.
4. Малков В.Д. Криминология: учебник для вузов. М., 2010. С. 350-351.
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2011 г. №1481-О-О. По жалобе граждан Ковальчука В.С. и Ковальчук Т.Н. на нарушение их конституционных прав частью 2 ст. 317.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.
6. Баранова М.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правовой регламентации // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 7 (71). С.160.

А. П. Мазуренко,
магистр 2 года обучения
Института физики К(П)ФУ

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РИСКОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМАХ

В статье рассматриваются прикладные методы анализа рисков информационной безопасности в автоматизированных системах на основе систем уравнений Колмогорова. Рассматриваемые подходы позволяют проводить статистический анализ протекающих в автоматизированных системах процессов, могут быть применены в создании экспертных систем и в целях прогнозирования возможных атак и зон ненадежности.

Ключевые слова: информационная безопасность, анализ рисков, уравнения Колмогорова, экспертная система.

The article considers the applied methods of analysis of risks of information security in automated systems on the basis of systems of equations of Kolmogorov. The considered approaches allow to carry out statistical analysis taking place in the automated systems of processes that can be applied in the creation of expert systems and to predict the possible attacks and zones of insecurity.

Keywords: information security, risk analysis, equations of Kolmogorov, expert system.

Современные условия функционирования систем защиты информации предполагают чрезвычайно динамичное развитие и высокую скорость реакции на возникновение и изменение внешних угроз. Для выполнения данной задачи активно используются различные экспертные системы.

Перспективным механизмом для реализации таких систем нам представляется вероятностный анализ процессов, протекающих в автоматизированной системе. Некоторые возможные реализации вероятностных моделей изолированных автоматизированных систем, а также анализ марковских процессов в этих системах с помощью формирования графа спонтанных переходов и построения на основе них системы уравнений Колмогорова рассматривались в некоторых работах [1]. Перспективным в практическом смысле развитием этой идеи представляется более подробное рассмотрение автоматизированной системы с описанием ее составных частей и влияния выхода из строя одних из них на

надежность функционирования других и системы в целом, а также рассмотрением самого процесса реализации атаки на автоматизированную систему. Рассмотрение состава современных систем защиты информации не является предметом данной статьи, поэтому в рамках данной работы будем считать, что система защиты информации состоит из трех простых элементов (для примера рассматривается система из антивирусной системы, межсетевого экрана и системы шифрования критических данных). На этапе разработки модели такой подход позволит упростить теоретические выкладки без ограничения общности решаемой задачи. Добавление или исключение элементов системы защиты информации может производиться итеративно, тем же способом, что построение описываемой системы.

Процесс развития атаки на автоматизированную систему можно представить в виде трехдольного графа (рис. 1).

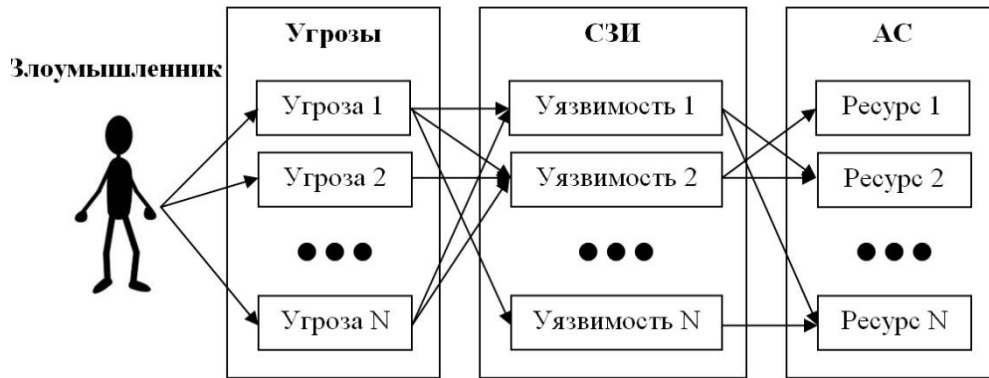

Рис. 1. Процесс развития атаки на автоматизированную систему.

Таким образом, автоматизированная система обладает набором полезных ресурсов, используемых в ходе ее функционирования. Система защиты информации обладает набором возможных уязвимостей, через которые реализуются некоторые возможные угрозы. Задача злоумышленника, осуществляющего атаку – обнаружить и реализовать угрозу через доступную уязвимость и, в результате, повредить или захватить какие-либо ресурсы автоматизированной системы, тем самым нарушив ее функционирование.

Серьезной проблемой применяемых на практике статистических моделей является необходимость набора статистики функционирования системы. Чем больше и полнее накопленный объем статистических данных, тем точнее может быть дан прогноз.

Типичными условиями применения экспертных систем на основе вероятностного анализа процессов можно считать их применение к уже функционирующей системе, статистика по которой, как правило, ограничивается логами систем защиты информации и журналом инцидентов. Экспертные методы позволяют частично исключить присутствующие в данных источниках ошибки первого и второго рода и получить пригодные для первичной оценки данные. Точность таких методов, ввиду субъективности, невелика, однако она может быть несколько повышена при декомпозиции и, следовательно, упрощении задачи. При построении нашей модели мы ограничимся частью графа, приведенного на рис. 1, приходящей к единственному ресурсу автоматизированной системы. Такое выделение

элементов позволит проанализировать вероятность выхода из строя одного из ресурсов автоматизированной системы, при этом общность решаемой системы не нарушается: для остальных ресурсов анализ может быть повторен.

Прямое описание угроз и уязвимостей реальной системы чрезвычайно сложно реализовать, поскольку их статистику, как правило, значительно сложнее восстановить, чем статистику инцидентов. В связи с этим мы не будем производить попыток формализовать угрозы и уязвимости для анализируемой системы в общем виде, ограничившись описанием состояний, вызванных нарушением работоспособности элементов системы защиты информации или их группы. Такой подход позволит максимально упростить восстановление статистики и интерпретацию результатов для реальной системы, сохраняя возможность анализа сложных систем и многоступенчатых атак.

Система, используемая в нашей модели, будет состоять из трех базовых состояний: S_0 – работа системы в нормальном режиме, S_1 – система атакована, S_2 – работоспособность системы нарушена, исследованный ресурс поврежден или захвачен. Кроме того, в системе присутствуют до

$$\sum_{k=1}^N \frac{N!}{k! (N-k)!} \quad (1)$$

состояний нарушенной работоспособности [2], где N – число рассматриваемых элементов системы защиты. Для нашего слу-

чая (3 элемента) таких состояний может быть до семи, обозначим их $S_{n1}, \dots, S_{n7}$, где индексами обозначены антивирусная система (индекс 1), межсетевой экран (индекс 2) и система шифрования (индекс 3) критических данных. В данных состояниях часть элементов системы (с номерами, соответствующими индексам $i, \dots, l$) защиты неработоспособна или захвачена.

При таком подходе атака развивается следующим образом: злоумышленник атакует нормально функционирующую систему, и она переходит в атакованное состояние, результатом атаки может быть

нарушение функционирования системы, то есть повреждение выбранного ресурса или нарушение работоспособности одного или нескольких элементов системы защиты информации, через которые уже осуществляется дальнейшее развитие атаки (многоступенчатая атака).

Для рассматриваемой системы возможны переходы из S_1 в S_{n1}, S_{n2}, S_{n3} и S_{n12} , из S_{n1} в S_{n12} и S_1 , из S_{n2} в S_{n12} и S_1 и сложное состояние S_{n12} . Граф состояний такой системы приведен на рис. 2.

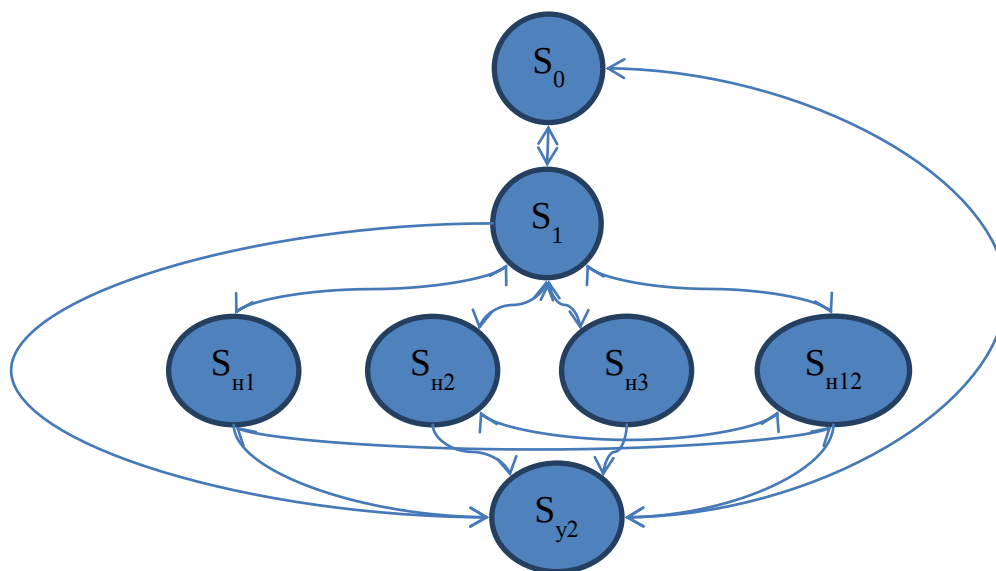

Рис. 2. Граф состояний реальной системы.

Уравнения Колмогорова [3] для данной системы примут следующий вид (4):

$$\dot{P}_0 = \lambda_{1;0} \cdot P_1(t) + \lambda_{y2;0} \cdot P_{y2}(t) - \lambda_{0;1} \cdot P_0(t) \quad (2.1)$$

$$\dot{P}_1 = \lambda_{0;1} \cdot P_0(t) + \lambda_{n1;1} \cdot P_{n1}(t) + \lambda_{n2;1} \cdot P_{n2}(t) + \lambda_{n3;1} \cdot P_{n3}(t) + \lambda_{n12;1} \cdot P_{n12}(t) - (\lambda_{1;0} + \lambda_{1;n1} + \lambda_{1;n2} + \lambda_{1;n3} + \lambda_{1;n12} + \lambda_{1;y2}) \cdot P_1(t) \quad (2.2)$$

$$\dot{P}_{n1} = \lambda_{n12;n1} \cdot P_{n12}(t) + \lambda_{1;n1} \cdot P_1(t) - (\lambda_{n1;n2} + \lambda_{n1;n12} + \lambda_{n1;y1}) \cdot P_{n1}(t) \quad (2.3)$$

$$\dot{P}_{n2} = \lambda_{n12;n2} \cdot P_{n12}(t) + \lambda_{1;n2} \cdot P_1(t) - (\lambda_{n2;n1} + \lambda_{n2;n12} + \lambda_{n2;1}) \cdot P_{n2}(t) \quad (2.4)$$

$$\dot{P}_{n3} = \lambda_{1;n3} \cdot P_1(t) - (\lambda_{n3;1} + \lambda_{n3;y2}) \cdot P_{n3}(t) \quad (2.5)$$

$$\dot{P}_{n12} = \lambda_{n1;n12} \cdot P_{n1}(t) + \lambda_{n2;n12} \cdot P_{n2}(t) - (\lambda_{n12;n1} + \lambda_{n12;n2} + \lambda_{n12;1} + \lambda_{n12;y2}) \cdot P_{n12}(t) \quad (2.6)$$

$$\dot{P}_{y2} = \lambda_{n1;y2} \cdot P_{n1}(t) + \lambda_{n2;y2} \cdot P_{n2}(t) + \lambda_{n3;y2} \cdot P_{n3}(t) + \lambda_{n12;y2} \cdot P_{n12}(t) + \lambda_{1;y2} \cdot P_1(t) - \lambda_{y2;0} \cdot P_{y2}(t) \quad (2.7)$$

Для характерных для практических систем чисел результирующие функции могут иметь такой вид (см. рис.3).

На графике рис. 3 по оси абсцисс отложено время, по оси ординат – вероятности, линиями обозначены: сплошная черная – S_0 , точечная черная – S_1 , точка-пунктирная черная – $S_{н1}$, пунктирная черная – $S_{н2}$, сплошная серая – $S_{н3}$, пунктирная серая – $S_{н12}$, точка-пунктирная серая – S_{y2} . Полученные кривые наглядно демонстрируют процессы, которые будут протекать в системе. После приблизительно двух недель ее работы вероятности падения антиви-

русной системы или межсетевого экрана весьма велики, вероятность падения их обеих или системы шифрования – значительно меньше. Вероятность повреждения исследуемого ресурса имеет пик в районе десятого дня, но, в целом, имеет небольшую величину.

Таким образом, такой подход позволяет численно охарактеризовать устойчивость автоматизированной системы и системы защиты в ее составе поэлементно на основе статистических данных о них, не прибегая к чрезмерно сложным вычислениям.

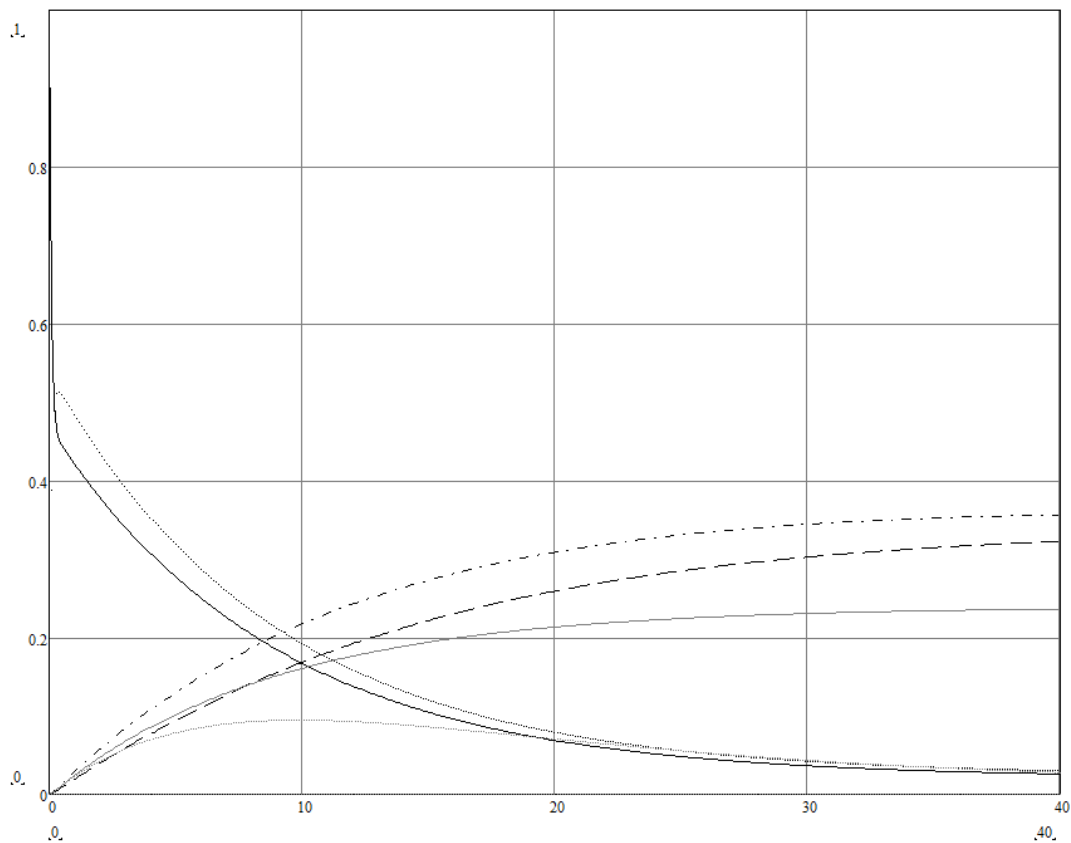

Рис. 3. Результирующие функции вероятностей

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов К. В. Оптимизация процессов восстановления автоматизированной системы после сбоев// Инфокоммуникационные технологии глобального информационного общества. М., 2005. С. 90.
2. Гихман И. И., Скороход А. В. Теория случайных процессов, Том 1. М.: Наука, 1971. 664 с.
3. Гнеденко Б. В. Курс теории вероятностей. М.: Едиториал УРСС, 2005. 448 с.

И.Б. Эйдельман,
аспирант
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АГЕНТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СПОРТЕ

Сложность правовой конструкции агентской деятельности в спорте на уровне национально-правового регулирования породила в отечественной правовой науке отдельные направления в понимании её сущности и правовой природы. В настоящей статье освещаются основные научные подходы к правовой идентификации деятельности спортивных агентов в Российской Федерации с целью обоснования авторских предложений по совершенствованию законодательной концепции регулирования агентских отношений в спорте.

Ключевые слова: спортивное право, спортивный агент, спортивные федерации, договор агентирования.

In jurisprudence there were separate concepts about understanding of activity of sports agents. The reason of it became complexity of legislative regulation of agency activity. To prove offers of the author on change of legal regulation in this area, in article these concepts are analysed.

Keywords: the sports law, the sports agent, the sports federations, the contract of agency service.

В отличие от правовой неопределённости, наблюдаемой на международном уровне по вопросам агентской деятельности в спорте, национальное законодательство Российской Федерации в этой связи представляется более обстоятельным. Агентские отношения первоначально подчинены нормам гражданского законодательства, содержащего положения о договоре агентирования, который оформляется между спортивным агентом и его клиентами. Однако недостаточное регулирование со стороны отечественного законодательства данной сферы отношений скрывает за собой серьёзную полемику в научном сообществе, которая берёт свои истоки из дискуссий о международно-правовой регламентации агентских отношений в спорте.

Камнем преткновения между учёными остаётся вопрос об источниках правового регулирования агентской деятельности. Многие сторонники самостоятельности отрасли спортивного права считают, что агентские отношения в спорте должны

подчиняться нормам специального физкультурно-спортивного законодательства [2, С. 28; 4, С. 47]. Собственно, при установлении круга международно-правовых источников регулирования рассматриваемой деятельности мы вполне разделяем такую позицию, а опыт отдельных зарубежных стран в правовой регламентации агентских отношений в профессиональном спорте лишний раз заставляет задуматься о неполноте российской физкультурно-спортивной законодательной базы. Представителями этой концепции отмечается, что ряд государств разработали и внедрили в свои национальные правовые системы специальные нормативные правовые акты, регламентирующие профессиональную деятельность спортивных агентов. Так, в США действует два подобных акта – Универсальный акт о спортивных агентах 2000 г., который установил национальную систему лицензирования деятельности агентов в профессиональном спорте, и Акт о деятельности спортивных агентов 2004 г.,

который позволяет распространять услуги агентов также в любительском и студенческом спорте [1, Р. 10]. При этом следует учесть то обстоятельство, что многие штаты пользовались своей прерогативой в регулировании агентской деятельности до появления общенациональных стандартов.

Однако первопроходцем в установлении специальных правовых норм о спортивных агентах считается Франция, при этом её законодательные положения о спортивной деятельности признаны наиболее строгими в мире [26, С. 25]. В отличие от США, во Франции отдельного закона, регламентирующего спортивную агентскую деятельность, нет. Вместе с тем ей посвящена статья 15-2 Закона о спортивной деятельности №84-610 от 16.07.1984 г. С 1992 года на территории французской республики введено обязательное лицензирование профессиональной деятельности спортивных агентов. Примечателен тот факт, что данное требование распространяется абсолютно на любого соискателя, претендующего на статус спортивного агента. Из перечня функций спортивного агента исключены юридические услуги, что также плохо согласуется со стандартами международных спортивных федераций. Агентом в профессиональном спорте может быть признано практически любое лицо, занимающееся подобной деятельностью, даже если его цель не заключалась в извлечении прибыли, а сама деятельность не имела систематического характера. В силу данного правила агентская деятельность в спорте выведена из сферы действия гражданского и торгового законодательства, что позволяет рассматривать её и в качестве отдельного вида предпринимательской деятельности, и в плоскости социальной деятельности. Тем не менее, занятие такой деятельностью без специального разрешения карается достаточно сурово – тюремным заключением на срок до одного года со штрафом в размере 15 тысяч евро. При всём при этом французское законодательство устанавливает обязательность страхования профессиональной ответственности спортивного агента.

Таким образом, современные государства способны устанавливать особый правовой режим агентской деятельности в спорте и вовсе не обязаны руководствоваться неправовыми нормами спортивных федераций, даже если последние признаны на международном уровне.

Применительно к законодательству Российской Федерации говорить о наличии каких-либо специальных норм об агентской деятельности в спорте не представляется возможным, несмотря на тот факт, что физкультурно-спортивное законодательство развивается в нашей стране довольно динамично. На данный момент отечественное спортивное законодательство представлено лишь Федеральным законом от 2007 г. «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [28] (далее – Закон о спорте). Многие учёные оценивают его, в целом, как результат положительной динамики развития спортивного законодательства в России, поскольку он, несмотря на некоторые несовершенства, во многом соответствует современному состоянию спорта в стране [11, С. 20]. Определяя предмет регулирования данного закона, сторонники спортивно-правовой природы агентской деятельности отмечают, что Закон о спорте распространяется на правовые, организационные, экономические и социальные основы деятельности в области физической культуры и спорта. Естественно, деятельность спортивных агентов, по мнению сторонников этой теории, в полной мере соответствует сформулированному в статье 1 Закона о спорте предмету его регулирования. Спортивный агент занимается выполнением поручений спортивных организаций и спортсменов в части установления между ними профессиональных отношений, юридическим сопровождением, решает многие финансовые и страховые вопросы, а также оказывает комплекс других сопутствующих услуг. В структуре данной деятельности можно наблюдать и правовые, и организационные, и экономические, и даже социальные аспекты, напрямую связанные со сферой спорта. Именно таким аргументом руководствуются сторонники спортивно-

правовой природы агентской деятельности на национальном уровне. Они отмечают, что благодаря принципам, закреплённым в Законе о спорте, национальные спортивные федерации обладают практически неограниченной возможностью вмешиваться в регулирование агентских отношений в спорте, что, в общем, является признанной мировой практикой. В частности, в статье 3 Закона о спорте подчёркивается сочетание государственного регулирования отношений в области физической культуры и спорта с саморегулированием таких отношений субъектами физической культуры и спорта. А в силу статьи 16 спортивные федерации наделены правом разрабатывать с учётом правил, утвержденных международными спортивными федерациями, правила соответствующих видов спорта, а также утверждать нормы, устанавливающие права и обязанности, в том числе спортивные санкции, для признающих такие нормы субъектов физической культуры и спорта. Именно такую картину можно наблюдать сегодня в части регламентации спортивными федерациями агентской деятельности по соответствующему виду спорта.

В силу факта отсутствия на национальном уровне специальных правовых норм, посвящённых агентским отношениям в спорте, рассматриваемая модель регламентации данной деятельности кажется вполне удачной. Вместе с тем, на наш взгляд, применение положений Закона о спорте в нынешнем его состоянии к деятельности спортивных агентов неоправданно и порождает внутрисистемные юридические коллизии. Так, в статье 5 Закона о спорте приводится достаточно подробный перечень субъектов физической культуры и спорта в Российской Федерации, среди которых названы различные государственные и общественные организации, граждане, занимающиеся физической культурой, спортсмены и их коллективы, а также специалисты в данной области. На первый взгляд может показаться, что именно к такого рода специалистам могут относиться спортивные агенты. Однако по смыслу той же статьи 5 Закона о спорте к лицам, которые

официально признаны государством специалистами физкультурно-спортивного сектора, относятся спортивные судьи, тренеры и иные категории, перечень которых утверждён соответствующим федеральным органом исполнительной власти. Действительно, такой перечень был принят в 2010 г. Министерством спорта, туризма и молодежной политики [25], но наименование «агент» в качестве спортивного специалиста там отсутствует.

Это позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, спортивные агенты законодательно не признаны субъектами физической культуры и спорта. Во-вторых, на их деятельность не могут распространяться положения Закона о спорте. В-третьих, многие спортивные федерации, присвоив себе нормотворческие функции, в настоящий момент незаконно устанавливают требования и ограничения к агентской деятельности в соответствующем виде спорта, поскольку Законом о спорте они имеют право разрабатывать подобные нормы исключительно к субъектам физической культуры и спорта, к которым спортивные агенты, в соответствии с логикой закона, не относятся.

Однако известно, что многие локально-нормативные акты российских спортивных федераций приняты на базе международных стандартов, разработанных неправительственными спортивными организациями. Не являются исключением на этом фоне и регламенты, призванные упорядочить деятельность спортивных агентов. Тот факт, что агентская деятельность в спорте не имеет на сегодняшний день спортивно-правовой природы, ещё не должен означать, что подобные документы, принятые спортивными федерациями, не имеют абсолютно никакой юридической силы. В этом вопросе следует обратиться к другой концепции, объясняющей агентскую деятельность в спорте с позиции гражданского законодательства [5, С. 16; 6, С. 3; 9, С. 63;].

Гражданский кодекс Российской Федерации [3] (далее – ГК РФ) исходит из того признания, что предмет агентской деятельности довольно широк, поскольку под

категорией «юридические и иные действия» могут пониматься достаточно различные виды услуг. Судебная практика дополняет данную свободу выбора предмета агентского договора выводом о том, что объём действий агента не является существенным для определения предмета договора [15], а в целях квалификации деятельности агента в договоре достаточно установить лишь его общие полномочия [13; 14; 21; 22]. Вместе с тем круг обязательств агента, в том числе в сфере спорта, имеет свои пределы. В частности, правовой анализ и вообще анализ документов не может быть проведён от имени другого лица и потому не входит в предмет договора агентирования [16; 18]. Данный тезис плохо согласуется с предметом агентской деятельности в спорте, потому что спортивные агенты зачастую обеспечивают именно «юридическую чистоту» документов, сопровождающих спортивную карьеру своих клиентов. Вместе с тем выводы судебных инстанций на национальном уровне могут рассматриваться исключительно в качестве официального толкования закона и не являются абсолютной истиной. Анализируя многие судебные акты, посвящённые договору агентирования, можно обнаружить довольно спорные суждения. Так, если между сторонами не был заключён агентский договор, но фактически одна из сторон согласно договору совершила в пользу другой определённые действия, которые были оплачены другой стороной как агентское вознаграждение, такие действия судами рассматриваются в качестве агентских [23]. В практике зачастую возникает вопрос о возможности применения законодательства об оказании возмездных услуг к агентским отношениям. Позиция судебных инстанций по этому поводу решительна – нормы, регулирующие договор возмездного оказания услуг, к договору агентирования не применяются [20], но если агентский договор признан недействительным, то фактические отношения сторон могут быть квалифицированы как отношения по возмездному оказанию услуг [24]. В силу комбинированности предмета агентского соглашения к нему subsidiarily при-

меняются нормы о договорах поручения и комиссии, но лишь в той части, в которой это не противоречит положениям о договоре агентирования [17].

Агентская деятельность в спорте подчиняется не только нормам о гражданско-правовых договорах. Учитывая предпринимательскую направленность деятельности спортивных агентов, положения ГК РФ о правосубъектности предпринимателей также распространяются на профессиональную деятельность агентов в спорте, равно как и правила имущественной ответственности за вред, причинённый как самому клиенту, так и третьим лицам. В связи с этим к кругу национальных источников правового регулирования агентской деятельности в спорте в полной мере относится Федеральный закон от 2001 г. «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [29] (далее – Закон о регистрации), устанавливающий требования к процедуре оформления специального статуса агента как индивидуального предпринимателя или юридического лица. Следует отметить, что локальные акты спортивных организаций позволяют агентам игроков выступать как в качестве юридического лица (агентства), так и в качестве предпринимателя без образования юридического лица [10]. В то же время законодательно данное требование к юридическому профилю спортивных агентов не закреплено, а в положениях ГК РФ о договоре агентирования вовсе не усматривается обязательность наличия предпринимательского статуса агента. Отсюда можно сделать вывод, что в силу норм гражданского законодательства, устанавливающих специальные требования в области любой агентской деятельности, спортивный агент может выступать как в качестве физического лица, так и осуществлять профессиональную деятельность в форме организации, при этом коммерческая составляющая его деятельности вовсе не является определяющей. Спортивное агентство теоретически может иметь форму некоммерческой организации. При этом нормативно не закреплена специальная правоспособность спортивных агентов.

Таким образом, агент в области спорта может заниматься либо исключительно данным видом деятельности, либо такая деятельность может выступать лишь одним из направлений его бизнеса. Правовых барьеров на внутригосударственном уровне для этого не предусмотрено. Поэтому преждевременно относить Закон о регистрации к кругу универсальных источников правового регулирования агентской деятельности в спорте, поскольку законодательно отсутствуют требования о неприменимости предпринимательского статуса спортивного агента.

Если рассуждать с позиции экономического прагматизма, а именно в плане организации финансов, то официальная предпринимательская составляющая в деятельности спортивного агента позволяет довольно существенно оптимизировать расходы. Прежде всего, Налоговый кодекс Российской Федерации [7] (далее – НК РФ) позволяет субъектам предпринимательства использовать специальные налоговые режимы, которые качественным образом влияют на расходную часть деятельности хозяйствующих субъектов, в том числе и спортивных агентов. Обладая лишь статусом физического лица, агент не может, в частности, воспользоваться упрощённой системой налогообложения или использовать ряд налоговых льгот. Напротив, являясь индивидуальным предпринимателем либо юридическим лицом, как коммерческого, так и некоммерческого характера, спортивный агент (агентство) может заменить уплату налога на доходы (прибыль), налога на имущество и налога на добавленную стоимость уплатой единого налога, ставка которого зависит от выбранной налоговой базы. Так, если спортивный агент имеет незначительный объём профессиональных расходов, что на практике встречается довольно часто, то налоговая ставка по упрощённой системе составляет всего 6%. Если же налоговая база формируется исключительно из прибыли, ставка возрастает до 15%. Для спортивных агентств такой специальный налоговый режим позволяет приостановить обязанность ведения бухгалтерского учёта, уста-

новленную в Российской Федерации для многих юридических лиц, и отчитываться в упрощённом порядке, аналогичном финансовой отчётности физических лиц. На этом фоне не случайно, на наш взгляд, закреплённое многими спортивными федерациями требование о наличии государственной регистрации спортивного агента в качестве субъекта предпринимательской деятельности, которое попросту констатирует сложившуюся в современных экономических условиях практику организации подобного рода бизнеса.

Вместе с тем налоговый аспект не может определять правовой природы агентской деятельности в спорте. Налоговое законодательство вовсе не снимает вопрос о правомерности установления спортивными организациями требований к личности спортивных агентов, среди которых наблюдаются не только условия о наличии акта государственной регистрации в качестве субъекта предпринимательской деятельности, но и обязательное получение лицензии, причём последняя выдаётся спортивными организациями без какого-либо согласования с государственными институтами. Прежде всего, следует отметить, что действующее в Российской Федерации гражданское законодательство не признаёт юридической силы актов локального уровня, устанавливающих нормы гражданско-правового характера. Статья 3 ГК РФ довольно предметно называет возможные источники гражданского права, среди которых отсутствуют документы локального характера, т.е. субъекты гражданских правоотношений не могут устанавливать нормы гражданско-правового характера в своих внутренних документах, к которым, безусловно, относятся в силу своей природы регламенты спортивных организаций. Учитывая также то обстоятельство, что многие спортивные федерации имеют статус юридического лица, они обязаны соблюдать, прежде всего, нормы гражданского законодательства. Между тем определить, где проходит грань действия гражданско-правовых законов и физкультурно-спортивного законодательства, довольно сложно. Поэтому концепция гражданско-

правовой природы агентской деятельности на национальном уровне также не разрешает многих юридических коллизий, наблюдаемых в области регулирования агентских отношений в спорте.

Признавая устоявшуюся практику лицензирования (аттестации) спортивных агентов, различные государства довольно специфичным образом определяют место локальных актов спортивных организаций в собственных правовых системах. Например, в Украине Закон 1993 г. признаёт нормативные документы международных спортивных федераций частью национального законодательства, в силу чего многие аспекты агентской деятельности в спорте вполне легально подчинены локальным правовым нормам. Напротив, в Бразилии акты международных спортивных организаций не имеют никакой юридической силы, если противоречат национальному законодательству. Системой прецедентов регламентируется агентская деятельность в спорте в Ирландии. При этом следует заметить, что требование о наличии лицензии в зарубежных странах также сформулировано неоднозначно. Так, в США, Франции, Греции, Португалии лицензирование выступает обязательной стадией при оформлении агентской деятельности в спорте. В Великобритании и Нидерландах лицензия для занятия спортивной агентской деятельностью не требуется.

В Российской Федерации лицензирование выступает областью действия административного законодательства, поскольку данной процедурой занимаются исключительно органы исполнительной власти. Основной массив правовых норм, регламентирующих лицензионный процесс, сконцентрирован в Федеральном законе от 2011 г. «О лицензировании отдельных видов деятельности» [27] (далее – Закон о лицензировании). Закон регулирует отношения, возникающие между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями в связи с осуществлением лицензирования отдельных видов деятельности.

При этом под лицензированием понимается деятельность лицензирующих органов по предоставлению, переоформлению лицензий, продлению срока действия лицензий, в случае если ограничение срока действия лицензий предусмотрено федеральными законами, осуществлению лицензионного контроля, приостановлению, возобновлению, прекращению действия и аннулированию лицензий, формированию и ведению реестра лицензий, формированию государственного информационного ресурса, а также по предоставлению в установленном порядке информации по вопросам лицензирования. Как можно заметить, среди субъектов, принимающих участие в лицензионном процессе, не наблюдается организаций, обладающих сколь угодно близким к спортивным федерациям статусом. В то же время Закон о лицензировании применяется далеко не ко всем видам деятельности, на занятие которыми в Российской Федерации необходимо получение лицензий. Однако перечень таких видов деятельности исчерпывающим образом представлен в п. 2 ст. 1 Закона о лицензировании, и агентской деятельности в спорте там не наблюдается. Статья 12 Закона о лицензировании перечисляет виды деятельности, которые подлежат лицензированию, среди которых следует обратить внимание на оказание услуг по трудоустройству граждан Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации. Отсюда можно сделать вывод, что агентская деятельность в спорте подлежит лицензированию лишь в том случае, когда спортивный агент занимается трудоустройством российского гражданина в иностранный спортивный клуб, находящийся за пределами государственной территории Российской Федерации. Во всех остальных случаях наличие лицензии законодательно не требуется, поскольку сама по себе спортивная деятельность также лицензированию не подлежит. Отчасти это подтверждает и сложившаяся судебная практика, в соответствии с которой агент не вправе без лицензии осуществлять от имени принципала действия, на совершение которых требуется ее получение [12; 19]. Соответ-

ственно, использование в локальных актах спортивных федераций категорий «лицензирование» и «лицензия», по меньшей мере, противоречит существующему лицензионному законодательству Российской Федерации. Даже в том случае, если рассматривать полномочия спортивных организаций по формированию требований к профессиональному облику спортивных агентов как легитимные, осуществлять их лицензирование они всё равно не вправе, равно как не компетентны они и в области установления аттестационных требований к лицам, желающим заниматься спортивной агентской деятельностью. Как известно, аттестация является институтом трудового и служебного законодательства. Аттестационные условия устанавливаются либо органами государственной власти в отношении определённой категории государственных служащих и работников, либо работодателем, исходя из специфики трудовых функций соответствующего круга работников. Спортивные агенты не состоят в трудовых правоотношениях со спортивными федерациями, не признаны законодательно субъектами физкультурно-спортивного сектора и не относятся к категории публичной службы. Соответственно, решить проблему неправомерного лицензирования, сложившуюся в практике деятельности спортивных организаций, одной лишь заменой слов «лицензирования» на «аттестация» также не представляется возможным без нарушения определённых правовых норм. Более того, пристальное внимание спортивных федераций к личности агентов игроков наблюдается далеко не во многих видах спорта, вследствие чего складывается парадоксальная ситуация

– агент, намеревающийся представлять интересы спортсмена в одном виде спорта, должен соответствовать разработанным спортивными организациями стандартам, а агент, оказывающий услуги спортсменам в других видах спорта, вообще не подчиняется никаким требованиям по причине их отсутствия.

Исходя из выявленных противоречий, решение сложившейся проблемы правового регулирования агентской деятельности в спорте на внутригосударственном уровне Российской Федерации возможно несколькими способами:

1. Спортивные агенты должны быть законодательно признаны субъектами физической культуры и спорта. Если Закон о спорте будет содержать такое положение, то существующие нормативные акты, разработанные спортивными федерациями применительно к агентской деятельности, приобретут легальный характер.

2. Изменение концепции законодательного регулирования лицензирования в части возможности делегирования полномочий по выдаче лицензий негосударственными образованиями позволит легализовать существующую практику лицензирования агентской деятельности спортивными организациями.

3. Принятие специального нормативного правового акта об агентской деятельности в спорте по аналогии с французской и североамериканской моделью правового регулирования агентских отношений в спорте позволит установить надлежащий правовой режим сложившейся на практике системы требований к профессиональному облику спортивных агентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Players agents worldwide. Legal aspects. Edited by Robert C.R. Siekmann, Richard Parrish, R.B. Martins, J. Soek. T.M.S. Asser Press, 2007. 230 p.
2. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" (постатейный). М.: Юстицинформ, 2009. 123 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 30.11.2011) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410; 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7014.
4. Жабин Н.А. Развитие нормативной базы Российской Федерации в области управления физической культурой и спортом // Административное право и процесс. 2011. № 8. С. 47-50.

5. Зикман Р.С. Цит. по: Прокопец М.А. Закат эры футбольных агентов // Спорт: экономика, право, управление. 2011. № 2. С. 16-20.
6. Любимова М.Д. Особенности применения агентского договора в различных сферах хозяйственной деятельности // Юрист. 2011. № 16. С. 3-8.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 06.12.2011, с изм. от 07.12.2011) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340; 2011. № 50. Ст. 7347.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 03.12.2011) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824; 2011. № 49 (ч. 5). Ст. 7070.
9. Николюкин С.В. Агентские соглашения в предпринимательском обороте: национальное и международно-правовое регулирование // Законодательство и экономика. 2011. № 10. С. 63-65.
10. П. 3 ст. 3 Регламента Российского Футбольного Союза об агентах.
11. Погосян Е.В. Формы разрешения спортивных споров: монография. М.: Волтерс Клувер, 2011. 144 с.
12. Постановление Президиума ВАС РФ от 13.01.2011 № 9174/10 по делу № А31-8793/2009.
13. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 07.12.2010 № Ф03-2352/2010 по делу № А37-1636/2008.
14. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 10.06.2003 № Ф04/2645-668/А46-2003.
15. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 22.07.2008 № Ф04-4241/2008(7912-А67-4) по делу № А67-2409/2007.
16. Постановление ФАС Московского округа от 17.06.2008 № КГ-А41/4789-08 по делу № А41-К1-18198/07.
17. Постановление ФАС Московского округа от 27.09.2010 № КГ-А40/8697-10 по делу № А40-145477/09-41-1086.
18. Постановление ФАС Московского округа от 28.05.2009 № КГ-А41/4010-09-П по делу № А41-К1-18198/07.
19. Постановление ФАС Поволжского округа от 30.11.2010 по делу № А12-7797/2010.
20. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 06.08.2007 по делу № А56-35517/2006.
21. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 01.12.2003 № Ф08-4500/2003.
22. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 07.04.2006 № Ф08-1190/2006 по делу № А53-1757/2003-С3-40.
23. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 26.07.2010 по делу № А53-3103/2009.
24. Постановление ФАС Уральского округа от 03.11.2009 № Ф09-8757/09-С5 по делу № А47-7035/2008.
25. Об утверждении Перечня иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и Перечня специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации: приказ Минспорттуризма РФ от 23.03.2010 № 207: зарегистрировано в Минюсте РФ 05.04.2010 № 16816 // Российская газета. 2010. № 87.
26. Прокопец М.А., Рогачев Д.И. Ярмарка футбола : книга о футбольных агентах. Москва: Новая юстиция, 2009. 424 с.
27. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ: ред. от 19.10.2011, с изм. от 21.11.2011 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 19. Ст. 2716; 2011. № 48. Ст. 6728.
28. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ: ред. от 06.12.2011 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 50. Ст. 6242; 2011. № 50. Ст. 7355.
29. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ: ред. от 03.12.2011 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3431; 2011. № 49 (ч. 5). Ст. 7061.

Е.А. Щуклина,
аспирант
(Саратовская государственная юридическая академия)

ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

В статье раскрываются теоретические и практические аспекты предупреждения преступности в сельской местности, проводится анализ дефиниций предупреждения преступности в сельской местности, предлагается авторское определение предупреждения преступности в сельской местности.

Ключевые слова: преступность, сельская преступность, предупреждение сельской преступности.

In article theoretical and practical aspects of the prevention of crime in rural areas reveal, the analysis of definitions of the prevention of crime in rural areas is carried out, author's definition of the prevention of crime in rural areas is offered.

Keywords: crime, rural crime, prevention of rural crime.

Проблема предупреждения преступности в современном мире носит сложный и неоднозначный характер. Россия не является исключением. Требуется особое внимание и борьба с преступностью в сельской местности, которая занимает значительную долю в общей структуре преступности. Под преступностью в сельской местности, на наш взгляд, следует понимать совокупность преступлений, совершаемых в сельских поселениях и на других территориях вне городов, как местными жителями, так и приезжими (гражданами РФ или лицами без гражданства) и характеризующихся определенной спецификой, обусловленной особенностями сельской местности.

В разработку теории предупреждения преступности, а также ее отдельных видов и категорий преступлений значительный вклад внесли Г.А. Аванесов, А.И. Алексеев, Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, Л.Д. Гаухман, А.А. Герцензон, А.И. Гуров, А.И. Долгова, А.Э. Жалинский, В.К. Звирбуль, А.Ф. Зелинский, П.Е. Игошев, И.И. Карпец, Н.Г. Кобец, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова,

А.Г. Лекарь, В.П. Малков, Г.М. Миньковский, А.Б. Сахаров и многие другие.

Несмотря на наличие множества работ, посвященных тематике предупреждения преступности, в научной литературе до сих пор нет единого мнения по вопросу понятия «предупреждение», его содержания, соотношения с такими категориями, как профилактика преступлений, пресечение преступлений. Остановимся на данных аспектах подробнее.

В толковом словаре русского языка под предупреждением понимается: «1. Уведомление о предстоящей опасности или неприятности; 2. Упреждение, предотвращение чего-либо нежелательного» [1]. Методологическую ценность для настоящего исследования представляет последнее понимание предупреждения. Основываясь на названной позиции, в юридической литературе разрабатываются и предлагаются различные дефиниции предупреждения преступности.

В юридической науке сложилось несколько подходов к понятию предупреждения преступности. Одна группа авторов концентрирует внимание на практической

стороне вопроса. Так, советские криминологи предлагали следующие определения предупреждения преступности: исправление и перевоспитание данного правонарушителя и оказание этим одновременного воздействия на других граждан [2]; система государственных и общественных мер, устраняющих причины и условия преступности либо ослабляющих (блокирующих) их действие и тем самым обеспечивающих снижение, а в перспективе – окончательное искоренение преступности [3]. Не возражая против общей постановки второго определения, все же позволим высказать некоторые уточнения. Полагаем, что наличие цели в качестве «окончательного искоренения преступности в перспективе» не лишено догматических начал и не вполне соответствует реалиям жизнедеятельности современного общества.

Сказанное вовсе не означает, что в научной литературе не предлагаются приемлемые понятия с практической точки зрения. Так, ученые полагают, что предупреждение преступности следует рассматривать, прежде всего, как многоуровневую систему государственных и общественных мер, направленных на устранение, ослабление или нейтрализацию причин и условий преступности [4].

Другие авторы акцентируют внимание на теоретической стороне вопроса, рассматривая предупреждение в широком смысле как теоретическую конструкцию. Так, предупреждение преступности определяется как криминологическая категория, обозначающая исторически сложившуюся систему преодоления объективных и субъективных предпосылок этих негативных явлений, реализуемую посредством целенаправленной деятельности всех институтов общества по устранению, уменьшению и нейтрализации факторов, детерминирующих существование преступности и совершение преступлений [5].

Основываясь на инструментальном подходе, проанализируем данное понятие и выделим структурные элементы его теоретической конструкции. Она включает в себя такие составляющие, как содержание, субъект, объект, целевой элемент. Содер-

жание предупреждения преступности образует система преодоления объективных и субъективных предпосылок преступности, то есть система мер, реализуемых до совершения преступлений и подготовки к ним. В научной литературе в содержание предупреждения преступности учеными обоснованно включаются следующие составляющие: осуществление глубоко продуманных и взаимосвязанных мероприятий; взаимодействие государственных и общественных мер; проведение мер экономического, воспитательного и культурного характера в сочетании в необходимых случаях с мерами принуждения, играющими вспомогательную роль; ликвидацию причин и условий, способствующих совершению правонарушений или преступлений; своевременное реагирование общественности на те или иные проступки людей, их аморальное поведение с целью не допустить более глубоких конфликтов с обществом, ведущих к нарушениям закона и правопорядка [6].

Субъектом предупреждения могут выступать органы государственной, муниципальной власти, должностные лица, общественные организации, образовательные учреждения (школы, вузы), отдельные граждане. Объектом предупреждения являются факторы, детерминирующие существование преступности и совершение преступлений (экономические, политические, демографические, идеологические, психологические, правовые). Целевой элемент предполагает активную деятельность по устранению, уменьшению и нейтрализации названных факторов. В связи с этим считаем справедливым уточнение С.Э. Титова, что предупреждение преступности имеет своей целью преодоление, сдерживание процессов, порождающих ее [7].

Таким образом, предупреждение преступности представляет собой сложную конструкцию, включающую множество элементов. Проведенный анализ понятия предупреждения преступности позволит не только провести соотношение с такими категориями, как профилактика, пресечение преступлений, но и сформулировать

авторское определение предупреждения преступности в сельской местности.

В научной литературе вопрос соотношения понятий «предупреждение преступлений» и «профилактика преступлений» до сих пор является дискуссионным. Одна группа авторов рассматривает эти категории как тождественные. Так, ученые пишут: «По своей сути предупреждение преступности или, иначе говоря, профилактика преступности – два термина, с точки зрения этимологии, идентичные и используются как взаимозаменяющие» [8].

В рамках данного подхода имеются и некоторые уточнения. В частности, И.А. Гельфанд, П.П. Михайленко утверждают, что не следует искать различия в содержании терминов «предупреждение», «профилактика» – содержание этих терминов едино – в этом смысле они являются синонимами, выражающими мысль о необходимости предпринять такие меры, которые предупреждали бы, а потом и совершенно исключили появление у отдельных лиц каких-либо проступков, наносящих вред обществу [9].

Другие исследователи полагают, что предупреждение преступлений и профилактика преступлений – понятия нетождественные. В рамках названного подхода имеется несколько точек зрения. Первая из них состоит в том, что профилактика преступлений рассматривается как более широкое по объему понятие, чем предупреждение. По мнению авторов, «система профилактических мер представляет собой деятельность субъектов, наделенных полномочиями по борьбе с преступностью, путем предупреждения и пресечения преступных проявлений, реализации мер ответственности виновных в их совершении, возмещения причиненного вреда, а также осуществления контроля над реализацией указанных мер» [10].

Вторая точка зрения заключается в том, что эти категории рассматриваются как самостоятельные. В частности, А.Г. Лекарь и А.Ф. Зелинский под «предупреждением» подразумевают воспрепятствование совершению конкретного преступления, а под «профилактикой» – устранение при-

чин и условий, способствующих совершению преступления. По мнению авторов, к «профилактике» следует отнести процесс выявления, устранения причин и условий преступности, а к «предупреждению» – недопущение замышляемых и подготавливаемых преступлений [11].

Третья группа авторов утверждает, что профилактика преступлений – это одно из проявлений предупреждения преступности. Исследователи, в числе которых С.С. Наумов, пишут: «В систему предупреждения преступности входят самые разнообразные виды предупредительной деятельности. К их числу относится профилактика правонарушений (преступлений). Категория “профилактика” рассматривается как важнейший компонент процесса предупреждения преступности. Соотношение понятий “профилактика преступлений” и “предупреждение преступности” в философском плане рассматривается как взаимосвязь части и целого. Целое (общее) – это предупреждение, а часть (особенное) – профилактика» [12].

Изложенная позиция нам представляется наиболее приемлемой в рамках настоящего исследования. Понятия «профилактика преступности» и «предупреждение преступности» не являются тождественными. Профилактика представляет собой только одну из составляющих предупреждения, она способна влиять на истоки, на то, что воспроизводит преступность [13].

Итак, проведенный анализ позволяет нам с уверенностью утверждать, что предупреждение преступлений представляет собой сложное явление, нетождественное с категориями «профилактика преступлений», «пресечение преступлений». Поэтому нельзя не согласиться с советскими криминологами, утверждающими, что «предупреждение преступности <...> – широкое собирательное понятие, включающее в себя:

а) общегосударственные мероприятия экономического, социального, идеологического, культурно-воспитательного порядка, законодательного правового плана, сочетающие убеждение и принуждение в процессе борьбы с преступностью;

б) деятельность государственных органов и общественных организаций, в частности, МВД, прокуратуры, суда, по выявлению причин и условий совершения преступлений и принятию мер к их устранению ... а также по воспитанию лиц, еще не совершивших преступления, но ведущих себя антиобщественно либо аморально» [14].

Таким образом, изучив понятие «предупреждение преступности», его теоретическую конструкцию, точки зрения ученых относительно содержания названной категории, исследовав вопрос о соотношении «профилактики» и «пресечения», основываясь на понятии сельской преступности, считаем целесообразным предложить авторскую дефиницию предупреждения преступности в сельской местности. На наш

взгляд, под ним следует понимать исторически обусловленную систему мер, принимаемых органами государственной власти, местного самоуправления, должностными лицами, общественными организациями, образовательными учреждениями, отдельными гражданами, направленными на преодоление, уменьшение и нейтрализацию причин и условий, детерминирующих преступления, совершаемые в сельских поселениях и на других территориях вне городов как местными жителями, так и приезжими (гражданами РФ или лицами без гражданства), и характеризующихся определенной спецификой, обусловленной особенностями сельской местности.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1992. С. 326.
2. Подробнее об этом см.: Советская криминология. М., 1966. С. 111.
3. Подробнее об этом см.: Криминология. М., 1979. С. 124.
4. Цит. по: Черкашин В. А. Общесоциальные меры предупреждения корыстно-насильственных преступлений // Теория и практика общественного развития. 2005. № 1. С. 54.
5. См. напр.: Малков В. Д. Криминология. М., 2006. С. 116.
6. Подробнее об этом см.: Абдиров Н. М. Бороться – значит предупреждать // Предупреждение преступности. 2000. № 1. С. 26.
7. Титов С. Э. Предупреждение преступлений органами полиции: история и современность // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 19. С. 91.
8. Подробнее об этом см.: Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980; Он же. Криминология. М., 1984. С. 337–339.
9. Гельфанд И. А., Михайленко П. П. Предупреждение преступлений – основа борьбы за искоренение преступности. М., 1964. С. 12–13.
10. См.: Раевский К. М. Правовое регулирование предупреждения преступлений // Вестник филиала Российского государственного социального университета в г. Красноярске. Красноярск, 2007.
11. Подробнее об этом см.: Лекарь А. Г. Профилактика преступлений. М., 1972. С. 45; Зелинский А. Ф. Значение нормы уголовного права для предупреждения преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 4.
12. См. напр.: Наумов С. С. Профилактика преступлений с помощью технических средств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 14.
13. Титов С. Э. Предупреждение преступлений органами полиции: история и современность // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 19. С. 92.
14. Подробнее об этом см.: Курс советской криминологии: предупреждение преступности / под. ред. В. Н. Кудрявцева, И. И. Карпеца, Б. В. Коробейникова и др. М., 1986. С. 22–23.

Д.М. Юсупова,
аспирант
(ЧОУ ВПО «Академия социального образования»)

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В статье анализируются особенности формирования системы правовой защиты объектов промышленной собственности, служебного характера. В статье представлен общий анализ системы защиты интеллектуальной собственности, проведен анализ основных проблем и высказываются предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, промышленная собственность, служебные изобретения, Суд по интеллектуальным правам

The paper deals with the peculiarities of forming the system of legal protection of industrial property objects. The author focuses the attention on main problems and made proposals for its improvement.

Key words: intellectual property, industrial property, service inventions, Court of intellectual rights.

В современных условиях необходимость обеспечения высокого уровня конкурентоспособности является неотъемлемым условием развития производственного предприятия. Наиболее эффективным способом достижения поставленной цели является внедрение в промышленности наукоемких, инновационных производств и передовых информационных технологий. Расширение интеграционных процессов в экономике, особенно в свете развития системы Таможенного союза и вступления РФ в ВТО является еще одним фактором стимулирования инновационного развития отечественного производства.

Процессы мировой интеграции формируют общую экономическую область, где потребность в формировании системы правовой защиты интеллектуальной собственности приобретает особое значение. В данном случае речь идет, прежде всего, о промышленной собственности. Промышленная собственность является собирательным термином для обозначения патентов на изобретения, полезные модели,

промышленные образцы, товарные знаки и другие объекты интеллектуальной собственности, которые используются в промышленности [11].

Появление новых объектов интеллектуальной собственности и нормативно-правовая регламентация, связанных с ними правоотношений также является одной из наиболее актуальных тенденций развития права интеллектуальной собственности.

Государство, являясь субъектом права, формирует правовую систему, определяет приоритеты ее развития. Фактически правовая система является отражением отношения государства к той или иной проблеме. В вопросах формирования системы правовой защиты интеллектуальной собственности, инициативы государства сыграли решающую роль в ее становлении. Особый интерес представляют проблемы правового регулирования взаимоотношений между предприятием и государственными и муниципальными органами в процессе исполнения государственного и муниципального заказа.

Стремительно развивающиеся промышленные технологии, социально-экономические изменения в обществе формируют потребность в интенсификации развития права интеллектуальной собственности. Активное формирование нормативно-правовой базы, ее постоянное совершенствование является характерным признаком развития патентного права для правовых системы всех развитых стран.

Наиболее серьезным этапом формирования системы правовой защиты промышленной собственности стало вступление в силу Части IV ГК РФ с 01 января 2008 года. [1] Новый нормативный акт не только внес существенные изменения в систему формирования правовой защиты интеллектуальной собственности, но и создал правовое поле для реализации стратегических задач государства.

Государством, в целях реализации политики стимулирования инновационного развития отечественной промышленности, была принята федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технического комплекса России на 2007-2013 годы» [5]. В РТ разрабатывается первая в РФ долгосрочная целевая программа «Развитие рынка интеллектуальной собственности в Республике Татарстан на 2012-2020 годы» [7].

Программа по развитию рынка интеллектуальной собственности направлена на формирование благоприятных условий для развития рынка интеллектуальной собственности. Превращение объектов интеллектуальной собственности в актуальный товар должно привести к росту инновационной активности, как научных кругов, так и промышленных предприятий. С правовой точки зрения данная стратегия позволяет максимально эффективно субъектам реализовать свои права на интеллектуальную собственность. С экономической точки зрения, целевая программа должна содействовать росту доли интеллектуальной собственности в валовом региональном продукте.

Этот вопрос поднимался правоведами и ранее [3, 4], но реальных решений данной

проблемы не было. Важным условием успешной реализации данной программы является создание правовой основы системы отношений, в которой владелец ИС мог свободно распоряжаться своей собственностью. Существует большое число небольших научно-производственных предприятий, которые имеют и научный потенциал, и возможности разработки инновационных продуктов, но не имеют возможности или желания заниматься их внедрением в промышленном масштабе.

Разработка нормативно-правовой базы такого рода деятельности могло бы стимулировать появление малых и средних предприятий, специализирующихся на создании изобретений, промышленных образцов и полезных моделей и разработке технических регламентов их использования «под заказ».

Государство и муниципальные органы для развития инновационных технологий привлекают к разработке как государственные, так и частные предприятия через систему государственного и муниципального заказа.

Несовершенство системы правовой охраны служебных изобретений, полезных моделей и промышленных образцов привело к низкой восприимчивости бизнеса к инновациям технологического характера.

В 2009 году разработку и внедрение инноваций осуществляли 9,4% от общего числа предприятий отечественной промышленности. В Германии аналогичные показатели составляют 69,7%, в Ирландии- 56,7%, а в Эстонии- 55,1%. [10]. Причиной низкого уровня восприимчивости бизнеса к инновациям являются многочисленные правовые пробелы в системе регулирования отношений между субъектами правоотношений.

Наибольшую опасность, с экономической точки зрения, представляют собой проблемы в системе правоотношений по поводу изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, созданных в связи с исполнением государственного или муниципального заказа. В данном случае речь идет, как и о низкой эффективности расходования бюджетных средств, так и о

создании благоприятных условий для развития коррупции в системе государственных и муниципальных заказов.

Сложившаяся в экономике ситуация доказывает необходимость совершенствования системы правовой защиты интересов государства при исполнении государственных и муниципальных контрактов.

Отсутствие правовых норм, которые прописывали бы механизм оценки целесообразности реализуемых проектов и определяли бы эффективные критерии оценки проектов, привело к крайне низкому показателю эффективности расходования бюджетных средств.

Отсутствие четко прописанных правовых норм по оценке эффективности привело к ситуации, когда для оценки эффективности проектов федерального значения используются критерии, не отвечающие поставленным задачам. И как следствие, реализуемая сейчас Федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технического комплекса России на 2007-2012 гг.» не принесла ощутимых результатов в инновационном развитии отечественной промышленности на практике. В частности, по итогам 9 мес. 2012 года по важнейшим с экономической точки зрения направлениям мы имеем более чем плачевные результаты:

- разработанные конкурентоспособные технологии, предназначенные для коммерциализации - 11 (при запланированных 26-27);
- внедренные в производство передовые коммерческие технологии – 0 (при 1-2 запланированных);
- внедренные в производство критические технологии, по которым Российская Федерация имеет мировой приоритет– 0 (при 1-2 запланированных);
- количество новых организаций, обладающих приборной базой мирового уровня – 0 (при 1-2 по плану) [12].

При подготовке национальных стратегий инновационного развития на период до 2020 года и соответствующих программ недопустимо использование целей, принципов и показателей так называемой «экономики знаний», как противоречащих це-

лям и принципам собственно инновационного развития [2].

Реализация на практике подобных стратегий развития выявила проблемы недостаточной эффективности механизмов правовой защиты интеллектуальной собственности, особенно служебного характера. На законодательном уровне должен быть регламентирован механизм оценки результативности проекта, исходя из экономически значимых критериев, а не количества диссертаций или количества привлеченных молодых ученых.

В результате из 100% охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности, полученных при бюджетном финансировании, в коммерческий оборот попадает только 1-2%. [10]

Учитывая, что данные показатели являются важнейшими индикаторами успешности инновационного развития промышленности, мы можем говорить о насущной необходимости совершенствования законодательства в области защиты интересов государства в процессе реализации целевых программ и исполнения государственных или муниципальных контрактов.

Не закрепленный законодательно механизм оценки экономической эффективности расходования бюджетных средств, отсутствие правовой базы для контроля и защиты интересов государства негативно сказывается, как на экономическом развитии промышленности, так и на уровне инвестиционной привлекательности государства.

Разработанный проект поправок в Гражданский Кодекс РФ изменений в решение данной проблемы не принес, т.к. не предполагает качественного изменения системы правовой защиты промышленной собственности. Необходимо лишь отметить существенное изменение в системе защиты прав автора служебного изобретения на вознаграждение. Согласно предлагаемым поправкам, право на вознаграждение за служебное изобретение, служебную полезную модель, служебный промышленный образец признается неотчуждаемым и переходящим к наследникам автора на оставшийся срок действия исключительного права [9].

Еще одной важнейшей проблемой формирования системы правовой защиты промышленной собственности является необходимость обеспечения единообразия судебной защиты прав на интеллектуальную собственность.

Во многих странах Патентный суд является неотъемлемым элементом системы защиты прав на промышленную собственность. В РФ идеи о создании подобной структуры вызвали длительные споры, в том числе о необходимости дополнительной судебной структуры, об ее целесообразности и уровне эффективности.

По оценкам специалистов создание Суда по интеллектуальным правам может существенно повысить эффективность системы защиты интеллектуальных прав в Российской Федерации с учетом международных стандартов. Сложность рассмотрения данных споров связана с высокой загруженностью арбитражных судов, а также с отсутствием необходимого уровня технических и научных знаний у судей, что приводит к необходимости привлечения экспертов.

Создание суда по интеллектуальным правам позволило бы обеспечить единство судебной практики по спорам об интеллектуальных правах промышленности собственности служебного характера в масштабе всей страны.

Согласно Федеральным конституционным законам от 06.12.2011 N 4-ФКЗ "О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации" и «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов суда по интеллектуальным правам новая судебная структура будет сформирована не позднее 01 февраля 2013 года в форме специализированного арбитражного суда, рассматривающего в пределах своей компетенции дела по спорам, связанным с защитой интеллектуальных прав, в качестве суда первой и кассационной инстанций [14].

Указом Президента РФ № 1580 от 01.12.2012 года Председателем Суда по интеллектуальным правам назначена Новоселова Л.А. [13]

Проблемы формирования эффективного механизма судебной защиты интеллектуальных прав в области промышленной собственности служебного характера представляют собой серьезную правовую проблему в свете реализации стратегии инновационного развития отечественной промышленности.

Создание Суда по интеллектуальным правам позволит выйти на качественно новый уровень формирования системы правовой защиты интеллектуальных прав в целом, и прав на служебные изобретения в частности. Но не следует считать, что с 01 февраля 2013 года начнет функционировать принципиально новая система защиты прав и она полностью решит наши проблемы.

К сожалению, в ближайшее время возникнет необходимость решения большого количества проблем принципиального характера.

В первую очередь возникает вопрос подсудности споров, связанных промышленной собственностью служебного характера или выполненных по государственному и муниципальному заказу. Согласно Постановлению № 60 от 08.10.2012г.[8], в ситуации, когда в одном иске соединено несколько требований, связанных между собой, одно из которых подсудно Суду по интеллектуальным правам, а другое - иному арбитражному суду первой инстанции, все дело подлежит рассмотрению Судом по интеллектуальным правам. Но реализация указанной нормы на практике может столкнуться с рядом серьезных проблем, что может существенно усложнить ситуацию с защитой интеллектуальных прав на изобретения, относящиеся к категории служебных или выполненных на основании договоров государственного или муниципального заказа.

Первой проблемой, с которой могут столкнуться заявители - проблема доступности обращений в Суд по интеллектуальным правам.

Председатель ВАС РФ Иванов А.А. в своем обращении подчеркнул, что новое судопроизводство будет доступным для всех граждан России благодаря интернет-

технологиям - системе электронного судопроизводства и видеоконференцсвязи [15].

К сожалению, опыт реализации на практике подобных проектов дает нам право предположить, что с 1 февраля 2013 года большое число граждан и индивидуальных предпринимателей будут ущемлены в своем праве на судебную защиту их интеллектуальных прав.

Второй серьезной проблемой функционирования Суда по интеллектуальной собственности является уровень компетентности судейского состава. Споры, связанные с интеллектуальной собственностью в целом, и интеллектуальной собственностью служебного характера в частности, имеют ряд специфических особенностей, что требует от судейского состава специальных знаний не только в области права, но и в технике и науке.

Изначально законопроект предполагал формирование штата технических экспертов, по аналогии опыта создания Патентных судов европейских стран, но это положение было подвергнуто критике Правительством РФ. В настоящее время, судья может обратиться к эксперту в общем порядке, что может существенно осложнить рассмотрение дела по существу.

Создание Суда по интеллектуальной собственности является важнейшим этапом совершенствования судебной системы. ВАС РФ была проделана большая работа по разработке законопроектов в данной области права. Но говорить о качественном сдвиге в решении проблем связанных с защитой интеллектуальной собственности, к сожалению, пока не приходится.

Специалистам суда и правоведам предстоит большая работа по обеспечению единообразия и стабильности судебной практики по спорам о защите интеллектуальных прав, разработки механизмов обес-

печения абсолютной доступности обращения для всех субъектов правоотношения, анализа практического опыта рассмотрения споров для последующей доработки нормативно-правовой базы функционирования Суда по интеллектуальным правам.

Принимая во внимание вступление России в ВТО, особую актуальность приобретает необходимость консолидировать усилия власти, науки, бизнеса, образования на формирование и развитие комплексного регионального рынка интеллектуальной собственности, как части национального и мирового рынков интеллектуальной собственности. Создание такого рынка является базовым условием проведения технологической модернизации отечественной промышленности преимущественно на основе отечественных технологий и дальнейшего инновационного развития в интересах повышения конкурентоспособности экономики и качества жизни населения страны. В первую очередь необходимо формирование нормативно-правовой базы, позволяющей развивать экономические институты, создавать условия для быстрого развития инновационных направлений отечественной промышленности. Реализация данных направлений невозможна без формирования эффективной системы правовой защиты интеллектуальной собственности в промышленной сфере.

В условиях активного развития процессов глобализации и возрастающей конкуренции растет необходимость в применении единых правовых признанных на международном уровне подходов и стандартов к созданию, учету и использованию результатов интеллектуальной деятельности, правовой охране, коммерциализации и защите прав на них [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 08.12.2011)//СПС Консультант Плюс
2. Итоговый документ Круглого стола «Региональный рынок интеллектуальной собственности как условие инновационного развития»/ IV Петербургский Международный Инновационный Форум 28.09.2011г. [Электронный ресурс] Режим доступа// http://forum.spbinno.ru/i2011/about_forum/results2011/28092011_1630_73.php

3. Корнеева И.Л. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации М.: Юрист. 2006 208с.
4. Крупко С.Н. Институт служебных изобретений: Новеллы и проблемы правового регулирования [Электронный ресурс] Режим доступа [http:// www.advocate-realty.ru](http://www.advocate-realty.ru)
5. О федеральной целевой программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007—2012 годы»: постановление Правительства РФ от 17 октября 2006 г. № 613.
6. Об осуществлении контроля в сфере правовой охраны и использования результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения, выполненных за счет средств федерального бюджета: постановление Правительства РФ от 18.11.2006г. № 696.
7. Об утверждении Концепции долгосрочной целевой программы «Развитие рынка интеллектуальной собственности в Республике Татарстан на 2012-2020г.: постановление Кабинета министров РТ от 15 октября 2011 г. № 857.
8. О некоторых вопросах, возникших в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам: постановление Пленума ВАС РФ от 8 октября 2012 г. N 60
9. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012: проект Федерального закона N 47538-6.
10. Проект «Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020г.»//СПС Консультант Плюс
11. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М. 1999. 479 с. .
12. Результаты мониторинга федеральной Целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технического комплекса России на 2007-2012 гг.» / Достижение целевых индикаторов и показателей программы за первые три квартала 2012 года [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.fcpir.ru/catalog.aspx?CatalogId=2356>
13. Указ Президента РФ от 01.12.2012 N 1580 "О назначении судей арбитражных судов"//СПС «Консультант плюс»
14. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации" и Федеральный конституционный закон "Об арбитражных судах в Российской Федерации" в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам: Федеральный конституционный закон от 06.12.2011 N 4-ФКЗ //СПС «Консультант плюс».
15. Федосенко В. Юристы обсудили необходимость создания судов по интеллектуальной собственности//РГ. 2011. №5634 (258).

